

Новогодний ужас

Ночь

АЛЕКСЕЙ ХАНЫКИН

16+

Алексей Юрьевич Ханькин

Новогодний ужас. Ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67043451

SelfPub; 2022

Аннотация

Пустые улицы ночь окутывала стремительно. Там, где совсем недавно на снегу играло солнце, теперь бегают лишь маленькие огни разных цветов, появляясь и исчезая, всего на секунду, чтобы после вновь родиться на секунду маленьким светом на белом ковре. Иногда, от желтого света фонарных столбов отбежали во мрак четвероногие тени бездомных собак.

Чутье вело их к местам, где, возможно, кто-то из жалости или глупости выкинет кость на трапезу голодного зверя. Бросаться на людей сейчас опасно – кто-то начнет праздновать раньше срока и в пьяном угаре, не сдерживаясь, кинется давить силой немощное животное, показать остальным, какой он герой. Человек сам по себе опасное создание творца.

Но иногда даже венец творения, гений разума и плоти может стать жертвой.

Алексей Ханькин

Новогодний ужас. Ночь

Пустые улицы ночь окутывала стремительно. Там, где совсем недавно на снегу играло солнце, теперь бегают лишь маленькие огни разных цветов, появляясь и исчезая, всего на секунду, чтобы после вновь родиться на секунду маленьким светом на белом ковре.

Иногда, от желтого света фонарных столбов отбегали во мрак четвероногие тени бездомных собак. Чутье вело их к местам, где, возможно, кто-то из жалости или глупости выкинет кость на трапезу голодного зверя. Бросаться на людей сейчас опасно – кто-то начнет праздновать раньше срока и в пьяном угаре, не сдерживаясь, кинется давить силой немощное животное, показать остальным, какой он герой. Человек сам по себе опасное создание творца.

Но иногда даже венец творения, гений разума и плоти может стать жертвой.

Антон медленно перебирал ногами по нечищенной дороге, наблюдая, как его соседи уже готовятся к празднику. Через пару часов заиграет гимн, польется шампанское и по округе разнесутся крики счастья. Он был больше чем уверен, что все будет ровно так. И, приоткрыв окно, он будет слушать эти крики, наблюдать из дома на запускаемый соседями фейер-

верк и, став немой частью новогодней какофонии, тоже почувствует это праздничное настроение. Но это случится не сейчас. Пока что он просто наслаждается тихой зимней ночью, холодным воздухом, что приятно покалывает грудь при вдохе и превращается в белый, как снег, пар при выдохе. Когда ты один, начинаешь замечать интересное в совершенно привычных вещах.

Поток мыслей сбил резкий лай собаки откуда-то из темноты. Наверное, соседи выпустили, и та, через забор теперь лает на всё, что движется рядом. Или просто бездомный пес с побитым боком боится вновь получить удар тяжелого сапога, а потому заранее предупреждает человека, мол, «держишь подальше, я тебе больше не доверяю».

Пока Антон старался возобновить бессознательное наслаждение предновогодней ночью, он остановился, разглядывая звезды. Из всех созвездий, он знал лишь медведицу, большую или малую неважно, главное найти ковш на огромной черной карте.

Х-Р-Р-У-С-Т

Собачий лай быстро прекратился. На секунду его прервал резкий хруст снега, словно что-то тяжелое легло на снег, и пес этого испугался. Антону чудилось, что собака всё еще стоит где-то в темноте, за небольшим деревянным забором и, сжимаясь от страха, ищет источник хруста.

Парень обернулся. Он больше не чувствовал себя в приятном одиночестве. Словно кто-то стоит неподалеку, где-то,

где его нельзя увидеть. Стоит и смотрит. Стоит и ждет, потому что случайно раскрыл себя предательским хрустом снега.

Фонарь отключился.

«Такое случается. Как говорится, устал, так что нужно подождать, пока не остынет и не включится вновь. Темнота друг молодежи», – утешал себя Антон.

Но сейчас ему не хотелось быть в темноте. Не хотелось разделять темноту с кем-то, кто был вне поля зрения. Не сразу Антон понял, что гирлянды тоже не горели, даже свет в окнах погас. Словно весь свет вмиг пропал, а с ним пропали и звуки. Он стоял в полной темноте, не в силах разглядеть собственный нос, не в силах услышать даже свое дыхание. Густая тьма проникала в ноздри, в уши, заполняя пространство. С ней нахлынул страх. Казалось, что Антон сходит с ума. Он открыл рот, чтобы издать хоть какой-то звук, но вместо слова получился невнятный хрип. Маленькое облачко пара, казалось, вылетело из рта, но даже его Антон не смог увидеть.

«Сколько я так стою? Что происходит? Что делать?» Мысли один за другим нахлынули, и с каждым новым вопросом паника окутывала в свои объятия сильнее и сильнее.

«Раз. Два. Три. Четыре...»

ХРУСТ!

«...пять. Шесть. Семь...»

ХРУСТ!

«...восемь, девять...»

ХРУСТ!

«...десять...»

ХРУСТ!

«...одиннадцатьдвенадцатьтринадцать...»

ХРУСТ! – совсем рядом, казалось, ближе, чем вытянутая рука. Антон закрыл глаза, открыл, но по-прежнему ничего не видел. Густую пустоту прямо перед его лицом развеяло нечто такое же черное, как всё вокруг. Антон зажмурился.

Через секунду он лежал на кровати, утопая в холодном поту. В комнату пробивался свет полной луны, разгоняя ночную тьму. Могильный холод окутывал тело, и Антон еще сильнее закутался в одеяло. Тишина не отступала, и казалось, что в этой тишине прячется что-то ужасное.

По черной комнате дыхание разносилось громким эхом, и потому, каждый раз на вдохе Антон невольно задерживал дыхание, стараясь лишний раз не нарушить тишину. Ему казалось, что он не больше, чем ребенок, испугавшийся кошмара. Настоящего кошмара.

Не помня, как вновь окунулся в сон, Антон проснулся за светлом. Больше его не окутывал страх, а холод, пожирающий тело ночью, растворился без следа. Парень взглянул в окно. По улице бегали дети, катая друг друга на санках, а за ними, высунув язык, гонялась дворняга, периодически напоминая о себе негромким лаем.

– Собака... – Вспомнил ночной кошмар Антон. – Навер-

ное мне приснилась собака. Или волк...

От своих мыслей он засмеялся. Насколько иронично взрослому искать объяснение ночному кошмару в надежде спасти себя от навязчивого ужаса темноты. Чтобы окончательно успокоить себя, Антон решил дойти до того места, где во сне к нему подкралось нечто.

День был по-настоящему морозным и безветренным. Ключий воздух бодрил, обжигал щеки и руки и предупреждал: без теплой одежды худо будет. Однако холод не пугал ребят, что по-прежнему бегали по улице, поочередно возили друг друга на санках, пробегая пару домов и круто заворачивали, опрокидывая и санки, и тех, кто на них катался. Антон с детской завистью наблюдал за ними. Воспоминания детства, когда и он точно так же играл со своими ровесниками в зимние забавы, играли новыми красками. И было приятно, что те игры, что для него были столь интересны, даже спустя десяток лет не изменились. Антон быстро дошел до того места, где во сне к нему подкралось нечто. Он посмотрел на дорогу, фонарные столбы, что сейчас отдыхали от ночной работы, и на пустую будку за деревянным забором. Ту самую, откуда во сне на него гавкал пес. Он медленно подошел. На заднем дворе суетился сосед Иван Николаевич. В наспех накинутой куртке и шапке, он отчего-то странно нес наполовину полный черный мусорный пакет и бормотал под нос.

– Здорово! Чего суетишься поутру?

Иван Николаевич, заметив соседа, положил черный пакет около пустующей будки и подошел к ограде.

– Здравствуй, – протянул мужчина руку, – видишь, пес мой, взял да и издох по зиме. И куда его девать прикажешь... В мусорный бак сердце не позволяет, всё-таки не мусор, а могилу копать...

Легкий холодок пробежал по спине Антона. Не зимний, что в это же время кусал щеки, а другой, словно он узнал что-то пугающее.

– И когда он?

– Ночью, думаю. Встал утром кипятка в миску налить, а то ведь вода померзла. Вскипятил чайник, выхожу, а он лежит холодный, почти у забора. Представляешь? Словно видел там кого. Грешным делом, думаю, не отравил ли кто?

На мгновенье они замолчали.

– Жалко, конечно. – Заключил Антон.

– Угу, – Иван Николаевич кивнул, посмотрев на пакет у будки, – пойду я, будь здоров.

Утопая в собственных мыслях, Антон пошел домой. Дети уже куда-то умчались с улицы, и потому было немного непривычно тихо, лишь хруст снега нарушал покой. Открыв скрипучую дверь, парень завалился в коридор, бросил обувь и куртку к стене и побрел к небольшому импровизированному бару. Там в ожидании томилась бутылка коньяка, подаренного еще летом на день рождения. Схватив ее, Антон направился на кухню, взял стакан, из которого обычно пьет

чай, налил чуть больше половины и остановился. На секунду он вспомнил ночной кошмар, и вновь тело охватил ужас. Тогда Антон сделал глоток.

Нельзя было сказать, что парень имеет пристрастие к алкоголю, просто сейчас ему казалось, что два повода сложились вместе: предновогодний день и ужас. В последнем была основная причина открывать коньяк. Антон надеялся набраться пьяной смелости и пойти к тому месту из ночного кошмара, доказать самому себе, что пес умер естественной смертью, и что никакого ужаса не существует.

А также он хотел доказать, что прошлогодний случай – это просто случайность. В округе мало об этом судачили, неизвестно почему: боялись нечисти, либо просто не хотели придавать огласке белую горячку одного из жильцов. Антон и сам не хотел разбираться в этом. Судачили, что в новогоднюю ночь местный чудила хотел поймать нечто ужасное, что лишь один раз в год можно увидеть в тени под окнами. Неизвестно что на самом деле произошло в ту ночь, но после случая мужчину отвезли в психлечебницу. Его подруга же, по всей видимости, чтобы не терзаться сплетнями, вовсе уехала куда-то далеко. Что бы ни случилось в ту ночь, никого из них уже год не видели, и дом стоит пустой, терзаемый грабителями, детьми и временем.

И сейчас, делая очередной глоток спиртного, Антон задумался. Вдруг и с ним случается то же самое, что было с тем мужчиной год назад. Чтобы не сойти с ума, он и решил

встретиться со страхом лицом к лицу, сделав пару глотков для смелости.

Обдумывая и придумывая всевозможные пути встречи и с монстрами из сказок, и с пьяными соседями, и с другими новогодними персонажами, Антон не заметил, как бутылка опустела, а солнце спряталось за горизонт.

Улицу вновь окутала темнота, разгоняемая желтыми фонарями. Желудок издал голодное урчание, но, не обращая на него никакого внимания, Антон, наспех одевшись, вышел на улицу.

Захлопнув дверь, он сделал первый шаг тяжелых ботинок на снег. Характерный хруст смешался с очередным завыванием голода.

– Ща, ща, вернемся домой поедим!

Дерзко и уверенно Антон шел по пустой улице, наблюдая за переливающимися гирляндами на окнах домов и мерцающими огнями фонарных столбов. Вот впереди показался тот столб, который во сне погас, и вон в темноте различен забор соседа. Вглядываясь во тьму, Антон замедлил шаг. Чем ближе парень подбирался к конечному месту его прогулки, тем сильнее колотилось сердце. Алкоголь не придавал больше сил и смелости, наоборот, загребал в пучину страха, ужаса. Не заметив, как окружающие его звуки из домов, хруст снега под ногами пропали, он слушал ускоряющийся ритм сердца и тяжелое дыхание. За его спиной уже давно был непроглядный, вязкий мрак. Фонарь над ним замерцал,

и Антон остановился. Щёлк. Свет потух. Только теперь парень обернулся. И ничего не увидел. Он повернул голову, попятился, старался найти хоть какой-то источник света, но нигде не мог найти ни искры. Стараясь закричать, Антон хотел сделать глубокий вдох, но что-то словно мешало ему, и потому получился противный хрип.

И после этого послышался еще какой-то звук.

ПХ-Ы-Ы-Х

Словно что-то тяжело сопело где-то впереди. Скрываясь в темноте, дышало, в азарте игры со своей жертвой, роль которой отыгрывал Антон. Разум протрезвел, словно никакого алкоголя не было и в помине, но ноги не слушались. Парень беспомощно стоял в непроглядной темноте и слушал, как что-то пыхтит неподалеку.

«Наверное, сон. Надо просто проснуться»

ХРУСТ

«Надо как во сне начать считать!»

ХРУСТ

«Раз. Два. Три. Четыре...»

ХРУСТ!

«...пять. Шесть. Семь...»

ХРУСТ!

«...восемь, девять...»

ХРУСТ!

«...десять...»

ХРУСТ!

«...одиннадцатьдвенадцатьтринад...»

Зловонное тепло ударило в лицо. Нечто большое, мерзкое и ужасное Антон увидел за секунду до того, как закрыл глаза.